

Кошмарить не перестали, или Госзакупки очень опасны

Адвокат Тимофей Ермак о том, как правоохранителям удается не считать бизнес бизнесом

Появляются все новые тенденции правоприменения, которые позволяют правоохранителям по-прежнему жестко «отрабатывать» бизнесменов различного уровня и достатка, заключая их под стражу при возбуждении уголовных дел

Политическое руководство страны периодически говорит, что правоохранительным структурам пора заканчивать «кошмарить бизнес». Однако на практике появляются все новые тенденции правоприменения, которые позволяют правоохранителям по-прежнему жестко «отрабатывать» бизнесменов различного уровня и достатка, заключая их под стражу при возбуждении уголовных дел. И это несмотря на нормы, направленные на декриминализацию экономических статей УК РФ, в том числе ст. 159. Вот два самых ярких примера последнего времени. Первый – квалификация любого завышения контрактной цены по госзакупкам, занижения объемов поставок или неисполнения обязательств как обычного мошенничества, т. е. по ст. 159 УК. Второй – применение заключения под стражу как меры пресечения в рамках уголовных дел, где преступление явно совершено в сфере предпринимательства.

Сейчас существует несколько подсоставов мошенничества. Помимо общей ст. 159 есть еще и ст. 159.4 (мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности). Максимальная санкция по ней – пять лет лишения свободы, а по ст. 159 – 10 лет (преступление по ст. 159.4 не является тяжким, со всеми вытекающими отсюда последствиями). Очевидно, что участники отношений по исполнению госконтрактов для государственных и муниципальных нужд – субъекты предпринимательской деятельности. Почти всегда это индивидуальный предприниматель (ИП) или юридические лица. И суть возможных претензий правоохранительных органов в 99% случаев связана с самими госконтрактами и денежными средствами, полученными при их выполнении.

Однако в последние полгода правоохранители окончательно укоренились во мнении, что почти любые признаки хищения или неисполнения обязательств (даже частичного) в рамках госконтракта необходимо квалифицировать именно как обычное мошенничество. Наиболее показательные свежие примеры – уголовное дело против директора компании «Мостовик» Олега Шишова (широко освещалось в СМИ) и дело в отношении совладельца Уральского завода противогололедных материалов Рустама Гильфанова. Виноваты или нет фигуранты данных уголовных дел, в этом должно разобраться следствие. Но важно, что их деяния квалифицированы по ст. 159: следствие полагает, что в данном случае признаки предпринимательства со стороны обвиняемых отсутствуют. Получается, сейчас любой бизнесмен, исполняющий госконтракт (строительство дорог или возведение больницы) находится в зоне риска с точки зрения возможных уголовных претензий, да еще и по статье, не имеющей никакого отношения к сути претензий.

Вторая неприятность – заключение под стражу в качестве меры пресечения. 19 декабря 2013 г. пленум Верховного суда (ВС) постановил: «Преступления, предусмотренные статьями 159 – 159.6 УК, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности,

осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К таким лицам относятся <...> члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности».

Говоря человеческим языком, если подозреваемый и обвиняемый – директор или учредитель компании или ИП и если преступление связано с деятельностью этого юрлица (например, по исполнению договорных отношений, включая государственные и муниципальные контракты), то его следует считать совершенным в сфере предпринимательской деятельности. Нормы п. 1.1. ст. 108 УПК (заключение под стражу) прямо утверждают, что «заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159 – 159.6, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности». Несмотря на столь явные и однозначные указания кодексов и ВС, на местах предпринимателей продолжают сажать без разбора. Заключение под стражу применяется как мера пресечения там, где деяние явно совершено в рамках предпринимательской деятельности. Особенно педантичны и последовательны в этом смысле Тверской и Басманный райсуды Москвы, где «закрывают» большинство бизнесменов по громким делам.

Следствие пишет ходатайства об избрании меры пресечения так, чтобы максимально завуалировать признаки предпринимательства, а суды не вникают в суть возбужденного дела и подходят к избранию меры пресечения сугубо формально. Оба бизнесмена по названным выше уголовным делам были взяты под стражу почти сразу после возбуждения уголовных дел, хотя обстоятельства позволяли (и практически всегда позволяют) избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Это домашний арест, который сейчас четко регламентирован и является достаточной и надежной для следствия мерой пресечения. В итоге бизнесменам с помощью моих коллег-адвокатов приходится долго и упорно доказывать свою правоту, защищая свои права даже в вопросе избрания меры пресечения. В это время их бизнес останавливается, кредиторы предъявляют претензии, сотрудников увольняют, государство не получает налоги. И это при том, что, по официальной статистике, менее трети дел по ст. 159 доходит до суда и приговора.